

Восьмая глава

Когда пришло известие о смерти Цяо Жуньи, прошло два месяца и семь дней с тех пор, как он исчез.

Звонок поступил в офис Шао Лисюаня — в вещах Цяо Жуньи нашли визитную карточку, на которой было указано, что он является вице-президентом Группы компаний «Шао».

За те два месяца, что о нём не было ни слуху ни духу, Шао Лисюань был близок к безумию. Он задействовал все возможные связи, чтобы разыскать Цяо Жуньи. Он знал, что тот был в степях, в Ледяном городе, в Бангкоке, в Париже... Он следовал по пятам за Цяо Жуньи, но каждый раз опаздывал лишь на шаг.

Цяо Жуньи двигался не спеша, но Шао Лисюань никак не мог его догнать.

В тот день, когда он примчался в Сахару, началась песчаная буря. Когда он нашел Цяо Жуньи, тот уже превратился в горстку серого пепла.

Такова была воля Цяо Жуньи: он хотел, чтобы тот, кто найдет его тело, сжег его, или же просто позволил пустыне иссушить его останки.

В любом случае, он не хотел возвращаться на родину в целостности и сохранности и не желал, чтобы кто-то из знакомых видел его холодным и окоченевшим.

Цяо Жуньи не оставил никому никаких вестей.

— Столько лет... в его сердце я был никем. — Вечером того дня, вернувшись домой, Шао Лисюань напился до беспамятства. Сжимая в руке бутылку с золотистым алкоголем, он говорил Ли Сюэ: — Я любил его тринадцать лет... тринадцать лет! Но для него я — пустое место.

Ли Сюэ хлопал его по спине, и, тоже не сдерживая слез, сдавленным голосом отвечал:

— Почему же ты не сказал ему? Мы ведь даже не знали, что тот человек, ради которого ты перевелся в другую школу, — это и был Цяо Жуньи.

— А что я мог сказать? — пробормотал Шао Лисюань. — Цяо Жуньи... он был одержим своим блестящим будущим. Он был машиной для работы. Он совсем не понимал, что значит просто жить, не знал, что такое наслаждаться жизнью. Я пытался говорить с ним о мечтах, а он в ответ — только об амбициях. Я знал, что он очень устал... он постоянно бежал вперед, выбиваясь из сил. Я мог лишь поддерживать его, чтобы этот бег давался ему чуть легче... Я думал, настанет день, когда он достигнет своих целей, накопит капитал, и у него появится время и силы на простые человеческие чувства. Тогда я и признаюсь ему...

— Ли Сюэ, — Шао Лисюань вцепился в полу его рубашки и медленно сполз со стула, — скажи, неужели я всё сделал не так?

Ли Сюэ поспешно присел, подхватывая его:

— Ты всё сделал правильно, Шао-эр. Просто у вас не было суждено быть вместе.

— Цяо Жуньи, я люблю его... Ли Сюэ, я люблю Цяо Жуньи... Я правда так сильно его люблю.

Он знал, что больше никогда не увидит Цяо Жуньи. Но он любил его. Как же сильно он любил Цяо Жуньи.

Он снова и снова думал: если бы он сказал Цяо Жуньи о своих чувствах раньше, изменилось бы что-нибудь? Может быть, Цяо Жуньи не ушел бы так решительно. По крайней мере, он знал бы, что в этом мире есть человек, который любит его всем сердцем, который любил и оберегал его целых тринадцать лет.

Больше всего его ранила не потеря Цяо Жуньи. Его мучило то, что, уходя, Цяо Жуньи был уверен, будто во всем мире нет никого, кто бы его любил.

Он не знал, с какими мыслями Цяо Жуньи покидал Цзянчжоу, направляясь в Сахару, чтобы там попрощаться с этим миром навсегда. Стоило ему вспомнить этот отстраненный, равнодушный взгляд и прозрачные глаза, в которых не отражался никто, как сердце начинало сжиматься, словно его медленно перемалывали в пыль.

Человек, которого он любил, которого берег как зеницу ока, уходя, считал себя брошенным всем миром.

Если бы можно было всё вернуть, думал он в полузабытьи, если бы только можно было... он бы примчался к Цяо Жуньи и сказал: Я люблю тебя.

Неважно, занимал ли он место в сердце Цяо Жуньи, неважно, видел ли тот его перед собой, неважно, как долго игнорировал его... он бы настойчиво, до последнего, повторял, что любит его.

Иногда он думал: если бы в то время, когда он перевелся в ту школу, Цяо Жуньи хоть немного ответил ему взаимностью, возможно, он набрался бы храбрости и признался.

Тогда он еще не умел сдерживаться, любил со всей пылкостью юности. Может, это и напугало бы Цяо Жуньи, но, по крайней мере, оставило бы след в его памяти.

Но «если» больше не существовало. Его юность была погребена под тяжестью безмолвного наблюдения, его юность сгорела в вечной суете и делах.

Ему снился сон. В полудреме он увидел лицо Цяо Жуньи — совсем юное, с нежными чертами, всё такое же прекрасное, от которого невозможно было отвести взгляд.

Он услышал свой голос:

— Жун-жун, я очень люблю тебя. Давай встречаться.

Его сияющие глаза постепенно затуманились. Два воспоминания смешались в этот миг, сплетаясь в один узел. Он осознал, что признается Цяо Жуньи в любви.

— Жуньи, — сказал он, — я люблю тебя.

На сетчатке его глаз выражение лица Цяо Жуньи стало постепенно неметь, в нем промелькнул неискоренимый испуг. Он медленно отступил на шаг.

Цяо Жуньи во сне и подумать не мог, что это Шао Лисюань окажется тем самым человеком. В прошлой жизни его воспоминания о Шао Лисюане ограничивались лишь прозвищем Старший господин, но связать этот титул с конкретным лицом он не мог. Он пытался вспомнить, но так и не понимал, с чего бы Шао Лисюаню его любить.

Внезапно он вспомнил мужчину, который все последующие годы безоговорочно поддерживал и поощрял его. На совещаниях, где обсуждались планы Цяо Жуньи, тот первым начинал аплодировать; когда Цяо Жуньи уезжал или возвращался из командировок, тот всегда случайно оказывался рядом, чтобы встретить или проводить его; когда Цяо Жуньи требовалась компания в работе, у того всегда находилось свободное время...

— Шао-эр — настоящий романтик, который в выпускном классе перевелся в другую школу ради любви, — дразнящий голос Ли Сюэ донесся до него. — Жаль только, что он никогда не позволял нам прийти, иначе я бы посмотрел, что это за человек, достоин ли он нашего Шао-эра.

Цяо Жуньи, откинувшись на спинку дивана, поднял глаза и встретился взглядом с Шао Лисюанем. Тот слегка улыбнулся и произнес:

— Конечно, достоин.

После ужина в тот день они вместе вышли из ресторана. Шао Лисюань заметил:

— Я раньше тоже учился в Нинчэне.

Цяо Жуньи тут же оживился:

— Правда? В какой школе?

Шао Лисюань помолчал несколько секунд, глядя на него:

— Я проучился недолго, даже название школы забыл.

Цяо Жуньи улыбнулся:

— Я учился в старшей школе Цицилинь, мы были первым выпуском. Не слышал о такой?

— А... ты помнишь кого-нибудь из своих одноклассников?

Цяо Жуньи долго думал, а потом смущенно ответил:

— Если увижу, наверное, узнаю. Но если специально пытаться вспомнить... у меня тогда почти не было друзей, характер был не из лучших.

Шао Лисюань с разочарованным видом спросил:

— А выпускные фотографии... у тебя остались?

— Есть, — ответил Цяо Жуньи. — Но все они в родном городе... Да и не был там никто важным, наши пути потом не пересекались.

Глаза Шао Лисюаня потускнели, он со вздохом выдохнул в прохладный вечерний воздух.

Выражение лица Цяо Жуньи переменилось, он снова попятился. Лицо Шао Лисюаня тоже исказилось, глаза начали краснеть:

— Жуньи...

— Я, я вдруг вспомнил, что у меня дела. — Цяо Жуньи на ходу выдумал нелепый повод: — Мне пора.

Он развернулся, но тут же почувствовал, как чьи-то руки крепко обхватили его за талию. Весь Шао Лисюань горел, голос его дрожал:

— Не уходи, Жун-жун, я так скучаю по тебе, я так... не уходи.

Плечо Цяо Жуньи стало влажным, он застыл на месте.

На парковке внизу Шао Чжэн открыл дверцу автомобиля для Цзинь Юньфэй. Женщина в белом костюме на высоких каблуках сказала:

— Два дня мне не звонил, даже не знаю, как он там.

— Сейчас узнаем, — Шао Чжэн опередил её и нажал кнопку вызова лифта.

В квартире Цяо Жуньи попытался убрать руки, сжимавшие его поясницу:

— Пожалуйста... ослабь хватку, ты меня задушишь.

Этот парень на вид был худым, но руки у него были твердыми, как сталь. Цяо Жуньи приложил все силы, но не смог разжать его пальцы.

Слово «задушишь» подействовало на Шао Лисюаня, он немного ослабил объятия. Получив возможность дышать, Цяо Жуньи сразу заметил, что тот всё еще держится за полу его рубашки. С тяжелым сердцем он обернулся и встретился с лицом маленького босса Шао, по которому градом катились слезы.

Блестящие капли срывались с ресниц, собирались на подбородке и, тяжелые, падали на пол, разбиваясь о поверхность.

Он не мигая смотрел на Цяо Жуньи — так горько ему было, что даже подбородок сморщился.

Цяо Жуньи испугался:

— Шао Лисюань... пожалуйста, не надо так.

— Я люблю тебя, — прошептал Шао Лисюань. — Я люблю тебя, Жуньи, я так сильно тебя люблю.

Цяо Жуньи мог только кивнуть. Он наклонился, вытянул бумажную салфетку из коробки и протянул Шао Лисюаню, но тот не взял её. Он продолжал смотреть на него так, будто боялся, что если моргнет, Цяо Жуньи исчезнет.

Цяо Жуньи сам прижал салфетку к его лицу. Шао Лисюань наконец моргнул, но снова крепче сжал руки.

Цяо Жуньи был вынужден податься вперед, всем телом прижавшись к его груди. Он нахмурился, видя, как близко находится лицо парня, чей нос и щеки покраснели от слез. Цяо Жуньи на миг замер, но продолжил вытирать ему лицо:

— Всё, хватит плакать.

— Я сейчас сплю?

— ...Я тоже надеюсь, что это просто сон.

Глаза Шао Лисюаня, влажные и полные обиды, как у брошенного щенка, смущали Цяо Жуньи. Он отвел взгляд:

— Для меня это слишком неожиданно.

Шао Лисюань молчал. Всё его внимание было приковано к Цяо Жуньи, он не мог отвлечься ни на секунду.

Двери лифта открылись, вошли родители Шао.

Цзинь Юньфэй спросила:

— Пароль помнишь?

— Есть отпечаток пальца.

Цяо Жуньи усадил Шао Лисюаня на диван. Слеза упала ему на тыльную сторону ладони, он невольно отдернул руку:

— Шао... Шао Лисюань, мне кажется, мы... не очень подходим друг другу.

Шао Лисюань не ожидал, что даже во сне Цяо Жуньи отвергнет его признание. Горю не было предела, слезы хлынули с новой силой, пальцы задрожали.

Цяо Жуньи в панике подхватил коробку с салфетками:

— Нет, нет, не надо...

Раздался звуковой сигнал, Шао Чжэн распахнул дверь. Цяо Жуньи обернулся, Шао Лисюань поднял глаза, и слезы застыли на его ресницах:

— У-у... мама.

Через три минуты Цяо Жуньи остался в гостиной, а Цзинь Юньфэй вежливо пригласила Шао Лисюаня в спальню переодеться. Шао Лисюань с опозданием подумал, что этот сон слишком реалистичен. С неохотой отпустив Цяо Жуньи, он, зайдя в спальню, взглянул на зеркало.

Через две секунды он ущипнул себя за бедро.

— Тебя зовут Цяо Жуньи, верно? — заговорила Цзинь Юньфэй. Цяо Жуньи улыбнулся и кивнул:

— Тетя Цзинь, дядя Шао.

— Ты знаешь, что моя фамилия Цзинь? — удивилась она. — Шао Лисюань рассказывал тебе обо

мне?

Разумеется, нет. Цяо Жуньи ответил:

— Немного упоминал.

— Только что Шао-эр повел себя несколько поспешно, — она поставила перед ним стакан молока. Шао Чжэн присел рядом и улыбнулся: — Сколько человек в твоей семье?

— Четверо, у меня есть младший брат.

— Как у тебя с успеваемостью? — спросила Цзинь Юньфэй. — Ты знаешь, как учится Шао Лисюань?

— Знаю, — ответил Цяо Жуньи. — Я первый в потоке, он — сто восьмой.

Лицо Цзинь Юньфэй застыло, она повернулась к Шао Чжэну, но тот сразу замахал руками:

— Я не знал, что его оценки так упали!

Цяо Жуньи прекрасно понимал, что в семье Цзинь Юньфэй занимает главное место и очень гордится Шао Лисюанем. А Шао Лисюань в прошлой жизни, по крайней мере в памяти Цяо Жуньи, был тем, кем можно было гордиться.

Он покорно опустил голову, притворяясь, что ничего не знает.

Цзинь Юньфэй внимательно разглядывала его:

— Знаешь, почему Шао Лисюань перевелся в выпускном классе? Знаешь ли ты, что в Цзянчжоу он всегда был первым по всем предметам?

— Об этом он не говорил.

— Ха-ха, — усмехнулся Шао Чжэн. — Наш Шао-эр парень скромный, хвастаться не любит.

— Какой еще скромный? Ты довел успеваемость до такого уровня, а тебе и дела нет! Есть ли чем хвастаться?! — кричав на Шао Чжэна, она снова повернулась к Цяо Жуньи: — Кем работают твои родители?

— Сейчас продают овощи на рынке.

— А как учится твой брат?

— Не очень хорошо.

— Какой доход у семьи в год?

— Расходы превышают доходы, — честно ответил Цяо Жуньи. — Мне часто приходится подрабатывать, чтобы помогать семье.

Цзинь Юньфэй замерла:

— Ты ведь в выпускном классе? И подрабатываешь?

— Да, у меня две работы в день: днем в столовой, вечером в торговом центре. Сегодня я пришел только потому, что Шао Лисюань сказал, что ему нужно помочь с уроками.

Шао Чжэн был поражен, его голос стал тише:

— Как давно ты так живешь?

— С седьмого класса, наверное. Но в средней школе брат был еще совсем маленьким, так что я работал только раз в день — мыл посуду в небольшом кафе рядом с домом.

Цзинь Юньфэй:

— ...Ты еще и за братом присматриваешь?

— Да, — Цяо Жуньи послушно улыбнулся. — У родителей нет времени, так что я с детства с ним вожусь.

Цзинь Юньфэй и Шао Чжэн переглянулись. Она смягчилась:

— А как ты сдал среднюю школу?

— Я... неплохо сдал. — Едва он закончил, как Шао Лисюань, уже переодетый, вышел из спальни:

— Что значит «неплохо»? Он был лучшим на выпускных экзаменах в Нинчэне!

Он сел рядом с Цяо Жуньи, который молча отодвинулся.

Цзинь Юньфэй, глядя на него, изменилась в лице:

— Жун-жун, ты молодец.

Шао Лисюань вмешался:

— Тебе нельзя называть его Жун-жун.

Он только что долго щипал себя в комнате, пока не осознал, что этот мир — не сон, а его мечта, ставшая реальностью: он вернулся в школьные годы.

— Это имя только для меня.

В прошлой жизни он даже не смел произнести его вслух. Раз уж он получил право на это имя, он будет беречь его как зеницу ока.

Цзинь Юньфэй проигнорировала его:

— Ты еще не ужинал, верно? Тетя приглашает тебя поесть.

— Спасибо, не стоит, — Цяо Жунью поднялся. — У меня другие дела, я ведь как раз собирался уходить.

— Какие у тебя дела? — Шао Лисюань встал следом. — Мы же договорились, что ты придешь помочь с уроками и уборкой... — под взглядом Цяо Жунью он сбавил тон и проворчал: — Как ты мог запланировать что-то еще, не сказав мне?

— У меня... непредвиденные обстоятельства. — Под вопросительными взглядами родителей Шао, Цяо Жунью тихо добавил: — Давай встретимся завтра на вечерних занятиях, хорошо?

— И что это за дела? — не унимался Шао Лисюань. — Я тебя подвезу.

— ...Ты вообще понимаешь слово «нет»? — Цяо Жунью сказал: — Мне нужно... покормить кота у знакомых.

Шао Лисюань настаивал:

— Я подвезу.

Цяо Жунью опустил плечи:

— Тогда не буду отказываться.

Он вышел за дверь, а вслед за ним — Шао Лисюань. Цзинь Юньфэй дернула сына за рукав:

— Ты что, не видишь? Ты ему совсем не нравишься.

Шао Лисюань отстранил её руку:

— Я знаю.

Самым большим сожалением в прошлой жизни для него было то, что он слишком заботился о своей гордости. В этой жизни, как бы Цяо Жуньи ни отталкивал его, он не сдастся.

Пусть даже останется рядом просто другом.

Кто первым пришел, тот и получил преимущество, а удача любит подготовленных. Кто знает, может, однажды он добьется своего.

— На себя посмотри, только зря навязываешься, — Цзинь Юньфэй была недовольна. — Сегодня здесь твой одноклассник, я дам тебе отсрочку, но вернешься — поговорим.

Шао Лисюань вышел, Цяо Жуньи уже успел обуться. Они вместе вошли в лифт. Шао Лисюань спросил:

— Я сегодня тебя напугал?

Цяо Жуньи через силу улыбнулся:

— Слишком внезапно. Я просто... не успел осознать.

— Тебе не нужно ничего осознавать. — На самом деле, Шао Лисюань и сам был удивлен, но, видя, что это Цяо Жуньи, он успокоился. В прошлой жизни он слишком сильно сдерживался, но теперь, раз выпал шанс, он покажет Цяо Жуньи, каким он может быть на самом деле. — Просто будь собой. Я всё равно буду любить тебя.

— Я буду тем сюрпризом, который ты обнаружишь, обернувшись, буду опорой в минуты усталости, буду ветром, что поднимет тебя ввысь... — босс Шао смотрел на него искренними, чистыми глазами. — Я — твой Пожиратель снов, ответственный за то, чтобы проглотить все твои кошмары. Я — твой Аладдин, готовый исполнить все желания, я — твой Дораэмон...

— Босс! — Цяо Жуньи указал на плотно закрытые двери лифта. Через две секунды он с облегчением выдохнул: — Открылись!

— Цяо Жуньи, — Шао Лисюань вышел следом за ним и схватил за запястье. Цяо Жуньи был вынужден остановиться и снова посмотреть на него. — Я знаю, сейчас ты не веришь ни единому моему слову, но я докажу всё своими поступками. Цяо Жуньи, цель моей жизни в этом воплощении — здесь.

Белый палец указал на сердце Цяо Жуньи. Шао Лисюань добавил:

— Люблю тебя, и пойду ради этого на всё.

<http://bllate.org/book/21317/2162936>